

МОГУ ПОДАТЬ ЗАЯВЛЕНИЕ...

НЕТ, это были не юбилейные дифирамбы. Рабочие, строители, преподаватели вузов, студенты, партийные и советские работники чествовали народного артиста СССР Сергея Ивановича Папова. Шестдесят лет — и половина из них в Воронежском драматическом театре. Иной раз говорят: засиделся актер на одном месте — выцвел, выстудился его талант, произошла творческая «амортизация». А вот Папов хоть и «засиделся», но не выцвел, не оскудел его талант. И «засиделся» то он не потому, что некуда было податься. Его приглашали в лучшие столичные и периферийные театры. Он успешно снимался в фильмах («Прижизненный», и недавно — в пушкинской «Метели»). Но Сергей Иванович не мыслит себе творчества вне коллектива, вместе с которым он рос.

И каждый раз (в первый, десятый, трехсотый!) Папов выходит на сцену взволнованный, богатый, щедрый. И за это воронежцы (да и не только они) любят его, уважают.

Хорошо сказал на юбилейном вечере один из поклонников актера — рабочий машиностроительного завода: «Сердечно благодарим вас за непрестанное творческое беспокойство и за верность родной сцене, зрителям, городу».

Когда мы об этом рассказывали актеру Воронежского музыкального театра Владиславу Арбузову — охотнику до перемены мест, он молчал. Затем иронически улыбнулся и словно бы пояснил: «Какая здесь может быть аналогия? Я ведущий солист, любимец публики, лауреат Всемирного фестиваля молодежи в Вене! Я незаменимый герцог в «Риголетто» и главный герой десятка других опер. О моем таланте должны знать и в иных городах».

Кстати, об Арбузове и воронежцы далеко не все знали. Частенько он нарушал дисциплину — не являлся на уроки с концертмейстером и дирижером, опаздывал на репетиции, самовольно уезжал на гастроли в другие города. А однажды «герцог» получил даже десять суток — и отнюдь не за музыкальные сюрпризы, а за дебош. Но как только руководители театра предъявляли ему обоснованные претензии, солист преспокойно произносил:

— Извольте, не правлюсь — разойдемся... Сегодня же могу подать заявление.

— Как же так, в середине сезона? — возмущались директор, дирижер, коллеги. — Вы же исполняете ведущие партии во многих операх. Вы подводите весь коллектив.

— Тогда не предъявляйте мне таких же требований, как к участнику массовых сцен, — категорически ответил Арбузов.

В театре долго терпели капризы лирического тенора. Не будем сейчас оправдывать или осуждать дирекцию, общественные организации за редкостное долготерпение.

А совсем недавно, в разгар сезона, Арбузов покинул Воронеж и перекочевал в Саратов. И, конечно, это привело к тому, что в Воронежском театре возникли серьезные творческие затруднения.

Примерно в то же время — в разгар сезона — уехала Н. Авдошина — актриса, несомненно, одаренная. Но ведущая солистка не считалась с мнением товарищей, ни на миг не задумалась над тем, что ставит коллектив в сложнейшее

положение. Ведь теперь предстоит ломать репертуар.

Правда, Н. Авдошина исчерпывающе нам сообщила:

— Я поставила дирекцию в известность за две недели. Да и по трудовому законодательству имею полное право...

Да, имеет право... Но в статье мы хотим вести речь о моральном праве актера бросить в середине сезона говаршей, создать немало неожиданных трудностей, поставить под удар большой коллектив. Мы хотим вести разговор о моральном праве актера пренебречь доверием зрителей и уйти, когда вздувается, хлопнув дверью.

Легко ли себе представить такую ситуацию: коллектив конструкторов, инженеров, техников создал уникальный агрегат. И только они — эти люди — пока могут его эксплуатировать. И вдруг один или двое ведущих специалистов заявляют: «Мы уходим на другое предприятие. Кем заменить? Сами думайте. Пока!».

Вымышленный, недостоверный пример? Согласны. Но разве «стиль» Арбузова или Авдошиной чем-нибудь отличается от подобных выходов?

Конечно, беспспорны гуманность и демократичность нашего трудового законодательства. И вряд ли кто-нибудь возьмется доказывать, что актер всю жизнь обязан быть прикован к одному театру. Но насколько благоразумно и этично покидать коллектив в середине сезона? Разве экспромтом возникшее желание изменить «прописку» освобождает человека от обязанностей перед коллективом, зрителями, освобождает от нравственной и гражданской ответственности перед самим собой?

Вполне закономерно, что многие руководители театров, режиссеры, актеры в один голос предлагают: надо внести некоторые коррективы в законоположения о людях, связанных с творческим коллективом. А именно: переход актера из одного театра в другой может быть разрешен только в период между сезонами. Бывает, конечно, что это невозможно. Но тогда ясно, что двухнедельный срок (после истечения которого заявление актера о его освобождении считается автоматически удовлетворенным) слишком мал, чтобы коллектив преодолел возникшие осложнения.

И дело, вновь повторяем, не только в этом, не только в появляющейся аритмии творческой жизни театра, в излишних расходах и кассовых провалах. Но и в том, что, эгоистически пренебрегая чувством ответственности, отменяя долг перед коллективом, обществом, актер обворовывает и себя, и зрителей — отзывчивых, взыскательных и справедливых ценителей его таланта.

В. КОМОВ,
Г. МИХАЙЛОВ.

ВОРОНЕЖ.

7-6
ДК 1964

ИЗВЕСТИЯ
Г. Москва